

Дом скорби. Круг друзей. Круг подозреваемых

Я знаю, кто убил Лору Палмер

18+

София Баюн

София Баюн

Я знаю, кто убил Лору Палмер

Серия «Русреал-детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74325496

Я знаю, кто убил Лору Палмер / София Баюн: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-252578-0

Аннотация

Детективный триллер в сеттинге мрачного русреала с атмосферой «неформальных нулевых».

Россия, 2000-е.

В реке провинциального городка находят тела изуродованных светловолосых девушек. У каждой вскрыто горло и разрезаны уголки губ, а на голову надет белый венчик, из-за чего жертв маньяка называют «Офелиями».

Яр, жених последней, пятой «Офелии», одержим поисками убийцы. На мосту, где погибла его возлюбленная, он встречает сестру первой жертвы, и та приглашает его к себе. Ее дом – место встречи родных и друзей погибших. Все они пытаются справиться с потерей и скрыть тайны, которые терзают их души.

Позже Яр находит в почтовом ящике письмо от погибшей невесты, вернувшееся отправителю. Письмо, написанное на

несуществующий адрес и предназначенное отцу, которого она не могла знать...

«Нулевые годы во всей их мрачной красе. Маньяк, держащий в страхе провинциальный город, бандитский произвол, но в то же время неформальные тусовки, посиделки под гитару на кухне и встреченные на балконе рассветы. Смешав все это, автор мастерски создает тревожный, вязкий триллер в духе “Настоящего детектива” и “Твин Пикс”». – Тимур Суворкин, автор «Эксмо»

Содержание

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	24
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	53

София Баюн Я знаю, кто убил Лору Палмер

Серия «Русреал-детектив»

Иллюстрация на обложке *Станиславы Ивакевич* (Night Crow)

© Баюн С., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

И стало слишком поздно

Скорее бы стало слишком поздно.

Вот это была подходящая мысль. За нее можно ненавидеть себя до конца жизни. К счастью, его совсем недолго придется ждать.

Скорее бы стало слишком поздно. Когда ничего уже нельзя будет изменить, она снова станет свободна. Не будет ледяной ладони, зажимающей рот, заломленных за спину рук и чужого колена, упирающегося в спину.

И реки не будет – совсем близко, за кованой оградой моста. Теплой серой воды, напитанной чернотой июльского неба. Ласковой и грязной воды ленивой городской речки, которая вот-вот обнимет за плечи, обнимет разгоряченную голову, обнимет сломанные ребра. Обнимет и заберет, все заберет себе мудрая и ласковая, равнодушная и мелководная городская река.

Пусть же скорее станет слишком поздно.

– Прекрати дергаться.

Почему у человека, который ее держит, дрожит голос?

– Прекрати. Ты ничего не изменишь.

Конечно, не изменит. Она и не сомневалась. Вот вода, вот измятые белые цветы в свалывшихся светло-русых волосах,

кровь на лице – застывает на подбородке, капает на воротник с изрезанного рта. Что теперь можно изменить?

Зато она будет улыбаться. Всегда будет улыбаться слишком широко.

– Прекрати...

Она кивнула.

И стало слишком поздно. Пришла вода, теплая и теперь безбрежная. Обняла за плечи, обняла разгоряченную голову, напоила мертвые цветы и распутала волосы.

Осторожно вымыла кровь из перерезанного горла, забрала последние удары замирающего сердца, стерла с лица застывшие слезы.

Ласковая и теплая июльская вода.

Вот и стало слишком поздно.

* * *

Где теперь Яна? Откуда мне знать.

Я знаю, что от нее осталось: полная ванна остывшей воды и цветов, гниющих на дне. Не знаю, для кого цветы: для Яны или Веты.

Вету нашли лежащей на берегу лицом вниз. Я видел фотографии. Белое лицо, набрякшее речной водой, кожа в крупинках мусора и песка, слипшиеся светлые волосы и закатившиеся глаза – неестественно большие, опухшие. Река вылизала всю кровь из перерезанного горла, наполнила тело се-

рой сыростью.

Жаль. Я запомнил Вету совсем не такой. Я помню, как она обнимала грязное, фиолетово-рыжее небо, как на белых розах в ее волосах растекался красный цвет. Совсем как живая, только голова слишком сильно запрокинута. И она улыбалась – и теперь она будет улыбаться вечно. Вета была смешливая. У нее была красивая улыбка.

А Яна смеялась совсем не так. Я всегда удивлялся тому, как одинаковые лица могут принадлежать таким разным людям. А может, это потому, что Яна высаживала по пачке сигарет в день. Ей всегда говорили, что никотин ее убьет. Она смеялась.

И я. Я тоже смеялся.

Все кончилось так, как должно было. Все кончилось обратительно неизбежно. Что бы я ни делал, как бы ни старался спрятать ее от смерти – та всегда ходила за Яной по пятам. Нашла ли ее? Я хочу верить, что не нашла. Достаточно того, что фиолетово-рыжее небо обнимала ее сестра. Первая Офелия, которая перестала быть Ветой в тот момент, когда ей перерезали горло и сбросили с низкого заплеванного моста.

Офелия утонула – или ее утопили, и мне больше нравится эта версия, – когда пыталась развесить венки на ветках ивы. Или когда пыталась что-то рассказать.

Выдать тайну, и все знают какую.

Яна умнее. Яна не выдавала своих тайн до последнего.

Знаете, какой на самом деле должен быть конец у этой истории?

Конечно, не знаете. Откуда вам знать.

Глава 1

Вишневый пирог

– А я знаю, кто убил Лору Палмер.

Это были первые слова, которые Яр услышал от Яны.

И тогда нашел в себе силы усмехнуться сквозь тяжелое марево опьянения, надежно спеленавшее разум.

Да все знали, кто убил Лору Палмер. Вообще все. Наверное, дети в детском саду знали. И пациенты в психбольницах, не помнящие собственных имен.

Он кивнул, не поворачиваясь. Ему не нужно было общество, тем более женское. Только не на проклятом мосту, по которому живые женщины вообще не должны ходить.

– Ты кто? – спросила она, усаживаясь рядом на холодный бетон.

– Яр, – выплюнул он, словно это хоть о чем-то говорило.

«Ты кто»? Бородатый пьяный мужик в грязном свитере. Еще чего надо-то?

– А я Яна.

Он с трудом оторвал взгляд от воды и попытался сфокусироваться на девушке. Разглядел черное каре, лаково блестящий черный плащ. Хмыкнув, он перевел взгляд на рябь, растекающуюся по волнам.

– Он не придет, – вдруг сказала Яна.

– Кто?

– Тот, кого ты ждешь. Осень, Яр. Он не любит холодную воду.

– Откуда знаешь?

– Пойдем со мной. – Вместо ответа она встала, взяла его за руку и потянула вверх.

– Отвали, – огрызнулся он.

Яру хотелось объяснить этой жалостливой дуре, что он не просто так сидит на холодном мосту с бутылкой в руках и ножом в кармане. У него ведь определенно была какая-то цель. Правда, он уже почти не помнил какая.

– Пойдем, Яр. Вода холодная, – уверенно повторила Яна. – Не любит он, когда холодная вода, понимаешь? В холодной воде... кровь не течет. Недолго. Ну пойдем, давай же!

Он несколько раз зажмурился, словно пытаясь разбить сковавшую мир дымку, и наконец смог рассмотреть ее лицо.

У нее черные, криво обведенные глаза и толстый слой тонального крема, но ее невозможно не узнать. Он провел много месяцев за изучением всего, что касалось жизни пяти мертвых женщин, которым местные газеты уже дали общее поэтичное, но совершенно неподходящее имя – Офелия. И жизнь этой женщины он тоже изучил.

– Ты сестра Светы. Которая... первая, – заявил он.

Яна кивнула.

В газетах писали, что у голубоглазой блондинки Светланы была сестра-близнец. Даже напечатали их общую дет-

скую фотографию – одинаковые косички, одинаковые бантики, широкие улыбки, только у одной девчонки не хватало переднего зуба. Яра от фотографии тошнило.

– Пойдешь со мной?

Он с трудом поднялся, придерживаясь за шаткие перила. Пригляделся к лицу Яны – что-то отличало ее от сестры, от фотографии с похорон, которую он видел в газетах. Не только черные глаза и волосы.

Он положил руку ей на плечо. Второй медленно, стараясь не сбить траекторию, коснулся уголков ее губ.

Поверх тонального крема черным карандашом были нарисованы два шва с частыми стежками. Казалось, что изо рта выбегает пара сороконожек.

– Как у нее? – хрипло спросил он.

Пять женщин, три разных моста. На каждой – белый венчик, у каждой вскрыто горло и подрезаны уголки губ. Это называли «улыбкой Офелии». И вот шестая, живая, стоит перед Яром и улыбается.

Яна кивнула:

– Мы всегда были одинаковые, – под нарисованной улыбкой растеклась настоящая, горькая. – Но если я порежу свое лицо... Кого ты потерял?

– Раду, – ответил он, опуская испачканную кремом руку. Он не сомневался, что ей хватит имени. Газеты чаще звали его невесту «пятой Офелией».

– Ты почти не давал интервью, – заметила Яна.

Яр усмехнулся. Он был не в настроении вести светские беседы, он стоял-то с трудом. Стоило ему на мгновение отвести взгляд от лица Яны, оно тут же превратилось в черно-белое пятно.

Он жестом попросил подождать, отвернулся, и его вывернуло. В воду, которая, по словам Яны, никак не годилась для очередного трупа. Рвало водкой и желчью, но он совершенно ничего не чувствовал – ни боли, ни горечи.

– Теперь пойдешь со мной? – спросила Яна.

Он кивнул и пошел за девушкой, которая знала, кто убил Лору Палмер.

* * *

Он проснулся от запаха вишни. Густой, приторный, он лился в легкие и означал счастье.

У Рады были такие духи, назывались «Болгарская роза», но пахли почему-то вишней. Кипящим вишневым вареньем.

Яр открыл глаза и уставился в незнакомый потолок. Он был прав, и он ошибся – вишней пахло. Рады не было.

– Оно живое, – раздался неприязненный женский голос.

Он с трудом обернулся. Комната была большой и светлой. Обои в цветах и птицах. На стене напротив баллончиком нарисован огромный знак анархии, весь в прищипленных на кнопки клочках бумаги. Рассохшийся сервант, покрытый глянцевым лаком, за мутным стеклом книги вместо хруста-

ля. Пол в тонком линолеуме с квадратным узором. Старая мебель из лакированных прессованных опилок. Деревянные окна, с карниза свисает обрывок тюлевой занавески.

В темно-зеленом кресле в углу сидела незнакомая девушка. Полная, с веснушчатыми щеками и марганцовочно-фиолетовыми волосами, она показалась ему смутно знакомой. На коленях ее лежала раскрытая книга.

– Утро, – прохрипел он.

Девушка хмыкнула и повернула колесико кассетного магнитофона. Яр не мог разобрать, о чем воеет Бьёрк, но наверняка не о солнечной желтой комнате и вишневых духах.

На самом деле ни девушка, ни сервант с книгами его не интересовали. Его гораздо больше занимало, почему он лежит в незнакомой квартире, на пыточно-узком красном диване. А еще головная боль и жажда – они сейчас были сильнее любопытства.

– Яна, солнышко твое проснулось! – крикнула девушка и встала с кресла.

Бюстгальтера на ней не было, и очертания груди отчетливо проглядывались под свободным тонким свитерком. Яр почти пожалел, что грудь его тоже не особо заинтересовала.

– Алиса, – представилась девчонка, подойдя к заваленному газетами столу. Достала две бутылки пива, жестом фокусника открыла одну крышкой другой и протянула ему.

– Яр.

А вот пиво – пиво его очень даже интересовало. И девуш-

ка все-таки была замечательная, и свитерок у нее чудесный, но пиво все-таки лучше.

– Ты проснулся!

Яна стояла на пороге и широко ему улыбалась. Он опустил бутылку на пол и попытался улыбнуться в ответ.

На ней был черный кружевной халат и пижамные штаны из красной шотландки. Волосы стояли дыбом, а в руках она держала огромный противень, от которого и исходил приторный вишневый аромат.

– Ага, – не стал отрицать очевидного Яр. – Вы извините, девочки, я домой пойду.

С него даже не сняли ботинки. Он криво улыбнулся и попытался встать. Яна тут же сунула противень Алисе, не особо заботясь, успела ли она взять прихватки, и бросилась к нему.

– Нет-нет-нет! Я испекла тебе пирог.

Яр честно попытался понять, что происходит, но так и не смог. Ситуация больше напоминала завязку плохого порнофильма, а не историю, в которой ему хотелось бы участвовать.

– Спасибо, Яна, но мне не нужен пирог, – он попытался высвободить рукав, за который она его держала. – Мне нужно домой.

– Разумеется, ты здесь не потому, что тебе нужен пирог, – фыркнула Яна. – А потому, что ты нам нужен. И мы тебе.

– «Мы» – это кто?

Он изо всех сил старался быть вежливым. Но выходило

плохо – ситуация была глупой и, пожалуй, даже забавной. Но у него не было желания радоваться, и некому было эту историю рассказывать, а значит, она теряла всякий смысл.

– Ты вчера сидел на мосту, – сообщила Яна вместо ответа. – Ты ждал там убийцу.

– Нет, я там вчера пил, – скривился Яр.

Кажется, последнее, что он помнил, как запивал третий по счету баночный коктейль теплой водкой. Помнил, что коктейль вкусом напоминал бензин, но хотелось допить до полного беспамятства.

Судя по тому, что он это помнил, план не сработал.

– И ждал, – уверенно сказала Яна. Переложила стопку газет на пол, кивнула Алисе, и та пристроила на освободившемся краю стола пирог. – С тех пор как Вету убили, я хожу по мостам, где... где это случалось. И иногда нахожу там людей, которым нужна помощь. Скажи, – потребовала она, щелкнув пальцами.

Яру показалось, что Алиса ее пошлет, но, к его удивлению, она покорно ответила:

– Я топиться собиралась.

– Ты подруга Веры? Четвертой... жертвы? – он наконец понял, где ее видел: в новостях, ну конечно.

Они с Радой смотрели тот выпуск. Сидели на темной кухне в съемной квартире, пили чай из глиняного чайника Рады и ничего не боялись. Когда девчонка на экране вырвала у ведущей микрофон и закричала: «Ублюдок! Я тебя найду и

все твои венки в жопу тебе заколочу!» – Рада от неожиданности рассмеялась. Яр тоже тогда посмеялся.

Алиса кивнула и быстро перебросила на ладонь липкую вишенку из пирога.

– Я думаю, мы все от него пострадали, – заявила Яна, вытаскивая из-под газеты короткий кухонный нож.

Яру стало интересно, что еще там можно найти, впрочем гораздо сильнее его занимали другие вопросы.

– Туалет где?

Ванная была тесной и захлавленной. Он разглядел кучу флаконов и банок – слишком много для одной девушки, даже коллекционирующей бытовую химию. К тому же он заметил минимум два мужских набора – два синих флакона шампуня, две бритвы и две зубные щетки.

– Странное место, – пробормотал он, растирая по лицу пригоршню ледяной воды.

Яна сидела на полу посреди комнаты и держала в руках одноразовую тарелку и пластмассовую вилку с отломанным зубцом. Вторая тарелка стояла перед ней. И огромная кружка, из которой уныло свисала нитка чайного пакетика.

– Это тебе, – пояснила Яна, ткнув вилкой в сторону тарелки.

Яр, чувствуя себя полным идиотом, поднял тарелку и чашку, сел на краешек дивана. Поискал глазами Алису – та сидела в том же кресле и ела пирог без вилки, двигая его кончиком пальца к краю тарелки. Во второй руке она держа-

ла книгу и, казалось, была полностью поглощена сюжетом.

– Яна... – наконец не выдержал он.

– Пирог попробуй. Я старалась, – бесцветно попросила она.

Он попробовал. В начинке было слишком много сахара и крахмала, а корж был жирным и пыльно-рассыпчатым – это значило, что этот пирог был лучшим, что Яр ел за последний месяц.

– Яна, ты чего от меня хочешь? – спросил он, отставив тарелку. – Вы маньяка ищете? Я в этом участвовать не собираюсь. И нытье чужое слушать – тоже.

– Нам не надо искать маньяка, – глухо ответила Яна, отломив кусочек пирога. – Он и так всегда с нами. И не ерничай, хорошо? Я серьезно к этому отношусь.

Он пожал плечами и стал смотреть, как она ест, пытаясь привести в порядок мысли.

Убийства начались год назад, и газеты ими упивались, на телевидении кадры оперативной съемки мелькали чуть реже рекламы майонеза. Убийства обсуждали на каждой кухне, на каждом перекуре, как же. У молодой страны появился свой маньяк. Настоящий, как в триллерах. Не тот, что мечтал заполнить шахматную доску, не тот, что колесил по сумрачному сибирскому городу с отверткой в бардачке, и даже не тот, что призраком жил в путаных университетских коридорах. У нового маньяка было все, чего не хватало прошлым, – эффектность. Предсказуемость. И наверняка какая-то драма-

тическая история, вот бы ее узнать.

Он любит мелководную городскую реку с ленивым течением – наверняка не хочет, чтобы трупы уносила вода. Убивает молодых блондинок. Он пытается их перед смертью, он уродует им лица, но смерть их мгновенна и прекрасна.

Несмотря на то что трех девушек нашли уже на берегу, газеты и передачи тиражировали другой образ. Тот, который видел убийца во время совершения преступления. И вся страна смотрела его глазами.

Только одну девушку, третью, нашли почти сразу. Она еще качалась на поверхности, ее венки не рассыпался, а кровь все еще обрамляла лицо и красила светлые волосы в розовый цвет. Везде был именно этот образ. Кто-то даже нарисовал огромное граффити на стене строящейся многоэтажки – старательное подражание Климту, пестрые пятна цветов, схематично растекшиеся белые волосы и трагически-алый разлом пореза на лице.

Яр видел девчонок с пережженными краской волосами и трагическими лицами. По вечерам они собирались на берегу, пили портвейн и выли «Марш плывущих Офелий». Может, они оплакивали его Радугу. А может, хотели быть похожими на ту, со стены.

Когда год назад нашли Светлану – двадцать два года, венки из свадебного салона, грубо изрезанное лицо, правое колено разбито молотком, – убийца удостоился целого разворота в криминальной хронике местной газеты. Преступле-

нием неприкрыто восхищались, потому что в молодой стране можно было все. Его обсасывали, как бесконечный разноцветный леденец, краешек которого достался каждому – и тем, кто искал повод покритиковать правительство, тем, кто ностальгировал по «неразвращенному зарубежной дрянью» прошлому, и тем, кто видел в преступлении реакцию на пережитки этого самого прошлого. Досталось и тем, кто хотел красивой истории, – Вета погибла накануне свадьбы. Ее жених, изведенный допросами, подозрениями и показательным сочувствием, уволился с работы и уехал из города.

Когда нашли вторую девушку, Татьяну – двадцать четыре года, татуировка в виде цветущего папоротника в россыпях алеющих ягод сигаретных ожогов, – заговорили о маньяке.

Наталья, самая старшая из жертв, – тридцать два года, особых примет нет, характер повреждений не подлежит обсуждению в прессе. Ее впервые назвали «Офелией», и с тех пор все убитые женщины потеряли имена.

Когда умерла Вера – двадцать два года, выжженный пальником узор на животе, – пресса захлебывалась восторгом, а женщины по всему городу перекрашивались в темный цвет.

Рада тоже хотела перекраситься, но не успела. Ее убили всего через неделю после Веры. И Яр не поверил, когда ему позвонили из милиции.

Рада – двадцать два года, пианистка со сломанными пальцами. Рада – марево отфильтрованного тюлем света, чай из

глиняного китайского чайника, поцелуй с горечью рябиновой ягоды, сорванной у дороги. Рада. Так не бывает.

Не верил, когда позвонили, не верил даже после опознания. Кто-то мертвый с лицом Рады, да, это он может подтвердить. Расписаться? Конечно, это ведь ничего не значит.

Но эта новость была везде. С обложек журналов, из газет, телевизоров и радиоприемников ему кричали, что Рада умерла. Страдала перед смертью, жестоко и бессмысленно. А потом ее изуродовали, сбросили в реку и превратили в образ.

Лишили имени. Она теперь Офелия и «очередная жертва».

Яр знал, что это неправда. Но никому не собирался ничего доказывать.

И Яне тоже. Пусть не забывает, как звали ее сестру на самом деле. Пусть не мешает ему делать то же самое для Рады.

– Я не устраиваю сборища вроде «давайте делиться светлыми воспоминаниями, так они вечно будут жить в наших сердцах», – откликнулась на его мысли Яна. – Мы... просто собираемся. Разговариваем, пьем, в карты играем, песни поем. Еще устраиваю кинопоказы... Я работаю в прокате. Почти каждый вечер кино смотрим.

– Песни – это мантры? – не удержался Яр.

Слишком Яна и ее подруга напоминали сектанток. И нелепым видом, и нездоровым блеском в глазах.

– Это песни. «Все идет по плану» и «Батарейка», – усмех-

нулась Яна. – Приходи, Яр. У нас лучше, чем на мосту.

– Когда? – спросил он, вставая.

– Всегда, – ответила Яна. – В любое время. Я никогда не запираю дверь.

Глава 2

По трамвайным рельсам

Конечно, Яна соврала. Яна вообще врала столько, что впо-ру писать книгу, чтобы не запутаться.

Сейчас она сидела на темной кухне, пила холодный кофе, курила и пыталась разложить пасьянс. Он, конечно, не сходился, потому что она обманула Яра.

Может быть, все, кто приходил в ее дом, и правда были нужны друг другу. Может, они находили зыбкое утешение, которого не могли отыскать в себе. Но главная причина, почему все эти люди собирались в ее доме, была в другом. Они нужны ей.

Раздраженно вздохнув, она перемешала карты и залпом допила кофе. Поморщилась, посмотрела на донышко чашки – пунктирная линия. Потери. У самой ручки – близкие потери.

– Или прерванный путь, – задумчиво сказала она, погладив ободок кончиком пальца.

В квартире было пусто и холодно. Яна растерянно осмотрела крашенные синей краской стены кухни и в который раз порадовалась, что не сделала ремонт. Квартира раньше была частью общежития, в ней еще чувствовался неуютный дух коллективной собственности. Слишком много запахов впи-

талось в стены, слишком много следов осталось втертыми в исцарапанный линолеум. С призраками прошлых жильцов все же уютнее.

Можно было вернуться к родителям. Большая квартира, их с Ветой комната так и осталась детской. Конечно, ее заставили баррахлом, но родители в любой момент вытащат все. Оставят двухэтажную кровать, два стоящих рядом стола, общий шкаф, который Яна теперь может забить своей одеждой. Новое пластиковое окно, розовые занавески.

Яну передернуло. Нет, лучше здесь.

Можно было позвонить Алисе. Она не спит по ночам, предпочитает отсыпаться днем. В темноте ей мерещится, как кто-то крадется к ее кровати. В глубине души Яна ее презирала: Алиса искала не утешения, а защиты. Ее убивала не потеря подруги, а паранойя. И все же Яна верила, что умирающий забирает за грань нечто большее, чем воспоминания о себе. Если Вера забрала у Алисы чувство защищенности, Яна не станет мешать искать именно его. И звонить, опасаясь разбудить ее, тоже не будет.

Инне всего пятнадцать. Она приходит после школы, тоже ищет голоса, которые заглушат бесконечный шепот ее матери, самой старшей жертвы. Наталье исполнилось тридцать два незадолго до смерти. И Яна, конечно, не станет звонить ее дочери среди ночи. Нет-нет, она Хозяйка, она центр этого дома, его сердце. Нельзя показывать, что сердце вот-вот перестанет стучать. Она ведь дала людям надежду.

Был еще Владимир, любовник Натальи. Ему можно было позвонить в любое время, и он тут же придет – шумный, подвижный. Заполнит собой всю пустоту. Принесет бутылку коньяка, сигареты и какой-нибудь странной еды – мятый кусок фисташкового торта, палку колбасы из медвежьего мяса. Он работает в аэропорту и часто таскает что-то из кафетерия или из списанной сувенирной продукции. Будет смеяться, шутить и говорить, говорить, очень много говорить. Забьет ей уши своими историями. Нет, утешаться его обществом все равно что есть вату от голода. Может, на какое-то время почувствуешь сытость, но пожалеешь гораздо быстрее, чем избавишься от последствий.

Сейчас она была не готова.

И еще было много людей. Много-много, они слетались к ее порогу, как мотыльки. На голоса, звон бутылок, гитарные переборы. На возможность говорить. Кто-то приводил друзей, кого-то приводила сама Яна – случайных знакомых, приятелей, всех, кто стучал в ее двери. Нужно много голосов, чтобы прогнать призраков. Она не боялась, что ее ограбят или убьют, – красть было нечего, здесь только старые книги в залапанных переплетах, разномастная посуда, старый радиоприемник да барахлящий телевизор. Если ее убьют – она встретит Вету и скажет правду. Только ей и скажет, больше никто не должен знать.

Оставался один человек, чей голос мог присоединиться к шепоту бывших жильцов ее квартиры и прогнать Вету.

Яна, обреченно вздохнув, вышла в коридор и набрала номер.

* * *

Лема никогда не нужно было просить дважды. Ни о чем. Спустя полчаса он стоял на ее пороге, замерзший, с блоком сигарет и банкой вишневого варенья.

– Опять? – обреченно спросила она.

– Ну а как же, незабвенная, – улыбнулся он, отдавая ей банку.

На его пальто налипла сырая взвесь, но Яна не стала ждать, пока он разденется. Обняла, обтершись щекой о влажный лацкан, клюнула в щеку, увернувшись от его ледяных пальцев, пытавшихся задержать.

– Твоя мама правда думает, что ты ешь столько варенья?

– Я ведь так любил его в детстве, – недобро оскалился он.

– А ты любил? – Яна улыбнулась, прижав гладкий бок банки к животу.

– Терпеть не мог.

– Будешь кофе?

– Буду. У тебя тут пусто, – констатировал Лем, останавливаясь в проеме кухни. Принюхался, сморщил нос: – И накурено.

– Ты дымишь больше меня.

– Я не курю в комнатах. Так что ты хотела, Яна? Тоска

напала?

– Я вчера нового человека нашла, – сказала она, чтобы не признаваться, что «напала» было самым подходящим словом. – Жениха Рады.

– Ты, незабвенная, за сестрой торопишься. Я видел фотографии с похорон – это тот огромный припанкованный мужик?

– Да, – не стала отрицать она. – Но он вполне приличный.

– И как же ты его нашла? – скептически поинтересовался Лем. – Он сидел на мосту, рисовал цветными мелками портрет своей возлюбленной? Ты погладила его по голове, а потом вы пошли к тебе пить чай?

– Ну... не совсем. Он правда сидел на мосту, ржал, как псих, и пил водку из пластиковой полторашки. Сказал, чтобы я отвалила, и махнул рукой, я думала, голову мне снесет.

– И ты потащила его домой?

– Конечно, я потащила его домой, – она поставила чашку на блюдце и жестом пригласила Лема садиться. – Я испекла пирог.

– Кто-нибудь уже умер?

– Пошел ты. Сомневаюсь, что вы подружитесь, но можно ведь хотя бы попытаться.

– Зачем? – Он попробовал кофе, кусочек пирога и тяжело вздохнул: – Твоя кухня, Яна, – ад, в который отправляются души всех пирогов. А это знаешь почему?

– Не начинай, – взмолилась она, прищурившись в пред-

вкушении восхитительной, нудной тирады, которая у Лема для нее всегда находилась.

– Потому что в тебе нет созидательного начала, – с удовольствием произнес он. – Ты вся деструктивна, Яна...

Она села к нему на колени, обхватила ладонями свою чашку – почему-то неприятно холодную – и закрыла глаза.

От него пахло дождевой водой, фужерным японским одеколоном и, едва уловимо, чем-то домашним. Чужим.

С Лемом она познакомилась два года назад. Тогда Вета была жива, а бар «Кордова» еще не сожгли. В баре «Кордова» был музыкальный автомат, а жена владельца настаивала самогон на персиках и белых сливах. За это «Кордову» любили студентки художественного училища, а студентов любил Лем.

Лем был моложе Яны почти на три года, смотрел на всех как на дерьмо и умел на удивление мерзко ухмыляться. Яна сразу поняла, что он отличный парень и с ним есть о чем поговорить.

Позже она узнала, что он учится «в университете», работает «на работе», а живет, разумеется, «дома». Кроме этих трех, в общем-то не таких уж важных вещей, Яна знала о Леме очень много. Например, что «Лем» вовсе не прозвище, а сокращение от «Лемара». Он даже паспорт показал. Его мать уступила отцу, назвала сына в честь Ленина и Маркса во времена, когда эти имена уже потеряли всякую власть. Даже отца Лема они не удержали – он сбежал через два года после

рождения сына.

Лем вдруг прервал ритуальную тираду и отнял успокаивающе прохладную ладонь от затылка Яны.

– Видела интервью с его матерью?

– С чьей? – обиженно спросила Яна. Она хотела, чтобы он дальше рассказывал ей про чакры и гладил по голове.

– Твоего найденыша. Мама. Воскресный выпуск, тетка в синем свитере.

И она вспомнила: растерянная женщина в вязаной шали. У нее так отвратительно искренне дрожали тонкие губы, когда она рассказывала о сыне, который тяжело переживает потерю и не хочет ни с кем делиться.

– И что?

– Она сказала, что он ищет убийцу.

– Пусть ищет.

– А что будет, если найдет?

Яна отстранилась. Опустила ноги на холодный пол, зябко повела плечами.

– Разве будет не здорово? – прошептала она. – Разве мы все этого не хотим?

– Это будет здорово, если это сделает кто-то другой. Володя, например, он безобидный. Помнишь, что еще сказала та женщина?

– Что Яр пьет?..

– Что она за него боится. А знаешь почему?

– Потому что она его мать?

– Яна, не будь душой. Он найдет убийцу, кем бы он ни был, и оторвет ему башку на том самом месте, где найдет. А кого потом будут таскать на допросы? «Какие у вас были отношения, как вы познакомились, чем это вы занимались такой дружной компанией, а не планировали ли вы убийство?» А потом они всё узнают, Яна.

Лем говорил лениво, перемежая слова короткими затяжками. Лицо у него было равнодушное, глаза полуприкрыты. Он ее не жалел – предупреждал.

Яне не хотелось ходить на допросы. Ей не нравились желто-серые комнаты, колющие глаза следователей и въедливые запахи хлорки и старой мебели. Она поежилась и положила голову Лему на плечо.

Хуже будет, только если «они» «всё» узнают.

Он встречал ее после каждого допроса. Когда ей раз за разом приходилось рассказывать, в каких они с сестрой были отношениях, с кем Вета дружила, чем увлекалась. А еще, конечно, приходилось рассказывать про свадьбу. И про прокат.

Про свадьбу говорить хотелось меньше всего. В конце концов Яна собрала остатки самообладания и разрыдалась. Сказала, что устала, что в газетах фотографию не напечатали, но почему-то у всех есть снимки ее мертвой сестры. Даже призналась, что представляет, что это ее выловили из реки.

Тогда от нее отстали, а Лем отпаивал ее коньяком, раскладывал Таро на маленьком журнальном столике и показывал ей раз за разом лежащего на месте сигнификатора пере-

вернутого Повешенного – казалось, парень по-женски надевает ботинок. Лем говорил, что это очень хороший знак и что если бы он висел вниз головой, вот это было бы плохо, а так – так хорошо. Яна знала, что все наоборот, но благодарно кивала и пила его коньяк.

– Но ты его уже никуда не денешь, да, дружочек? – со вздохом спросил Лем.

Она мотнула головой.

– Тогда пойдем гулять. Или в прокат смотреть кино.

Яна вымученно улыбнулась и закрыла глаза.

Лем ненавидел прокат. Ненавидел туда приходить и смотреть с ней кино. Говорил, что она дуреет от фильмов, как от водки, говорил, что в комнатах душно и что он не понимает, почему она до сих пор не продала его или не сожгла. Что скоро все будут смотреть кино на дисках, они уже продаются на каждом рынке, пиратские копии из кинотеатров и сборники «15 в 1». Что никому ее кассеты скоро станут не нужны, Володарского невозможно слушать и нужно продать этот хлам, пока он хоть чего-то стоит. Что она слишком много за него заплатила и не будет счастлива, пока не избавится от всех кассет, ковров, стеллажей, светильников и занавесок. Что она все должна продать, ни клочка обоев на память не оставить и постараться забыть, что прокат когда-то был. Яна только кривилась и мотала головой.

Это ее прокат. Ее фильмы. Она слишком много отдала, чтобы их смотреть. И если они станут не нужны людям – они

всегда будут нужны ей, только не может быть такого, чтобы людям стало не нужно кино.

Если Лем предлагает туда пойти, значит, она и правда плохо выглядит. Значит, она выглядит жалкой.

Но раз он предлагает – можно согласиться. Можно лежать на ковре перед тускло мерцающим экраном, курить и пить водку из чайных кружек, а потом забыться долгим, пустым сном.

Она недавно достала «Параллельный мир» Ральфа Бакши. Лем еще не видел. Яне хотелось в параллельный мир, но на приклеенном к коробке постере соблазнительно изгибалась мультяшная блондинка.

Можно было пойти шататься по ночному городу. Дышать прелой сыростью, заглядывать в чужие окна, пить водку прямо из бутылки и говорить очень много слов. В любом случае мультяшных блондинок там нет. И Лем не будет закатывать глаза и рассказывать, что скоро кассеты будут продавать на вес. А Яне не придется объяснять, что у нее есть «Девушка на мосту», «Мертвец» и «Горькая луна», а значит, жизнь не до конца потеряла смысл.

– Идем гулять, – решила она. – Переоденусь только.

Она не глядя вытащила платье из шкафа, запуталась в пышной юбке и раздраженно зашипела. Готические тряпки ее раздражали, но вместе с тем помогали – прятали, от людей и самой себя. Ей легче было сохранять самообладание, когда она надевала то, что Вета никогда бы не надела. Люди

не узнавали ее на улицах и не тыкали в нее пальцем. А еще черный цвет было легко оправдывать трауром. Все, кто ее знал, считали, что она хороший человек. Скорбит по сестре.

Почему-то для многих мерилom доброты была степень боли, которую человек способен испытать.

– Не плачь. В этой истории и так достаточно воды.

Лем откуда-то взялся рядом и сочувственно гладил ее по лицу. Рисовал волны кончиками пальцев. Медленные, ленивые волны.

Она хотела сказать, чтобы держал руки при себе. Хотела сказать, чтобы убирался из ее дома, потому что она передумала, пошло все к черту, и с чего она вообще взяла, что ночная прогулка по уродливому осеннему городу чем-то ее утешит, а не вызовет еще больше желания влезть в петлю.

Но она ничего не сказала, потому что давно привыкла держать при себе слова, о которых потом пожалеет.

И они пошли гулять. Долго шатались по улицам, заглядывали в редкие непогасшие окна. Лем выдумывал совершенно идиотские, но почему-то очень смешные истории, а Яна над ними смеялась и не слышала, как волны плещут об опоры мостов.

Они прошли насквозь половину спящего, укрытого клочковатым туманом города, обошли вдоль забора огромную стройку, хотя Яна предлагала забор перелезть и посмотреть, что там, и наконец вышли к вокзалу.

Лем умудрился купить коньяк, и они долго стояли на пер-

роне, наблюдая за ночными поездами и обсуждая, куда ведут рельсы, игнорируя голос, объявлявший о том, что ведут они в Липецк, Брянск или Сызрань.

Яна пила из услужливо наполняемого складного стакана, Лем – прямо из бутылки. Ночь была холодной, засвеченной редкими размазанными огнями грохочущих поездов.

В один момент Яна залпом допила коньяк, с щелчком сложила стакан и убрала в карман.

– Мужик! Мужик, ты мне очень нужен! – закричала она, махая руками небритому мужчине в камуфляже. К огромному рюкзаку за его спиной была привязана лопата.

Яна подбежала к нему, улыбаясь, как обретенному другу. Лем явно был заинтригован и, кажется, рассчитывал на конфликт, но ей было плевать.

– Мужик, я так тебе рада! Дай гитару?

С противоположной от лопаты стороны к рюкзаку был привязан гитарный чехол. Его почти невозможно было разглядеть в темноте, но для Яны он словно подсвечивался красным огоньком и отчетливым пьяным «Надо!».

Мужчина, не говоря ни слова, снял рюкзак и вытащил из чехла потертую гитару из темного дерева.

Яна, взвизгнув от восторга, опустилась на колени, прямо на мокрый, ледяной асфальт, вымочив юбку в грязной луже. Устроила гитару на коленях. Подняла лицо к небу, позволив рыжему фонарю ослепить, выжечь все прошлые образы. Лема, поезда, Вету и ее, Яны, обезображенное ужасом лицо.

– «А мы пойдем с тобою погуляем по трамвайным рельсам!...»¹

Лем поморщился и отвернулся. Ну конечно. Какие слова для него главные? О небе и земле на подошвах? Для Яны главными были другие.

– «...Это первый признак преступления или шизофрении!...»

Один из поездов, вереница послушных темно-зеленых вагонов, уходил в темноту. Набирал скорость, звонко лязгая колесами и тоскливо подвывая гудком. Яна смотрела ему вслед, хриплым и низким голосом пела о «справедливом наказании за прогулки по трамвайным рельсам». Только для этого преступления и существовало справедливое наказание.

Они гуляли до утра, встретив рассвет на мосту у реки. Густой серый поток лениво гнал мусор и ржавую пену. Под конец она уже не помнила, что говорила Лему. Рассказывала одни и те же истории, бесконечную хронику одних и тех же обид и недоразумений, в которые превратилась ее жизнь?

Он слушал без улыбки. Подавал руку, когда они спускались по лестницам, наливал коньяк, как только стакан пустел, а когда на их пути встречались лужи, которые нельзя было обойти, подхватывал ее на руки, не обращая внимания на грязную воду, стекавшую с тяжелого мокрого подола.

Домой они вернулись в наступающем дне. Солнце освещало

¹ Янка Дягилева, «По трамвайным рельсам».

тило город, вернуло ему очертания и формы, обнажило все трещины и пятна.

Яна сняла туфли и хотела выкинуть, утверждая, что ей глубоко наплевать на холодные лужи, чулки, которые превратятся в лохмотья, юбку, чей подол напоминал половую тряпку, и мусор, которым были усеяны дороги, где они шли. Она была совсем пьяна и почти не соображала, что делала. Лем, усмехнувшись, зацепил ремешки ее туфель друг с другом и повесил на запястье. Накинул пиджак ей на плечи, поднял на руки и пронес весь остаток дороги. Она уснула через минуту после того, как обнаружила, что не нужно никуда идти. И перед сном, уставившись на черный воротник его рубашки, она прошептала, стремясь высказать ускользающую мысль, которая казалась ей очень важной:

– Я вижу, что ты делаешь.

– И что же? – в его голосе мелькнуло что-то похожее на разочарование.

– Ты... думаешь, что виноват передо мной.

– Спи, незабвенная. Не ищи больше смыслов в поступках, чем там есть.

Они пришли домой к ней, не к нему, и уснули рядом, укрывшись одним одеялом. Юбку Лем с нее снял и повесил на стул. Ни к чему пачкать и без того уродливый красный диван.

Глава 3

Змеиный мед, малиновый яд

Яр давно не надеялся никого найти. Сам себе не признавался, продолжал бегать по городу, как огромный встревоженный пес – лохматый, оскаленный, принюхивающийся к истаявшему следу.

Рады не было. Куда-то исчезли ее вещи – растворились, всосались в полки, крючки и взвесь домашней пыли. Ее подушка лежала мятая, ледяная, как труп.

Куда делся ее дурацкий голубой свитер, который она носила еще со школы? А где ее конспекты, записки «молоко-фарш-лампочка», косметика и заколки? Остался флакон духов, лампа, которую она дарила Яру, да забытое платье.

Еще Яр хранил в ящике под кроватью брошь в плотном пакете. Большую, стеклянную, в ореоле синих лент. Украл из тумбочки, когда последний раз был дома у матери Рады.

Оттуда вещи не исчезали, нет. Платья в чехлах висели в шкафу, на туалетном столике, под куполом прозрачной пленки, была разложена косметика. Яр сначала подумал, что это отвратительно – запирать ее память, как в покойницкие мешки, а потом понял, что вещи не могли покинуть заколованной границы, поэтому оставались на месте. А от него сбегали, потому что он давал им свободу.

Что толку, если в итоге Рада исчезла из обоих домов. Да, сухая, шуршащая полиэтиленом упаковка держит ее хорошо. Ее глаза затянuty коркой замерзших век, а перерезанное горло полно речной воды. Сломаны ее пальцы, длинные пальцы пианистки, вырваны короткие ногти в прозрачном лаке, сердце перестало биться в измятой клетке сломанных ребер, а вокруг позвоночника выются мошки сигаретных ожогов. Яр закрывал глаза и видел, как гаснет каждая из тех сигарет.

Рада исчезла за двое суток до того, как ее нашли в реке. Когда она не вернулась вечером, он бросился в ближайший участок, но заявление не приняли. Девчонка сбежала, подумаешь. «От такого, как ты, парень, кто угодно сбежит».

Он сам искал ее. Обычно ему хорошо удавалось находить людей, но Радy отыскиали другие. Чужие, равнодушные.

У Радy были золотистые волосы. Первые дни он повторял эти слова, будто мог заставить убийцу передумать.

Но он не мог ничего изменить – только найти ответ, потерявшийся в синих улицах. Ответ ведь дремал где-то, в коробках панельных многоэтажек, в заплеванных скверах. Может, гнил в мутных парковых прудах, в кучах отжившей листвы на газонах. Надо только найти. Разгадку, человека, который сделал это.

И вышибить ему мозги. Потому что красный на сером красив не только когда это кровь, разлитая в серой воде. Когда это частые брызги на стене – это тоже красиво. Эта кра-

сота Яру была гораздо ближе.

Сейчас он торопливо одевался, мучительно пытаясь вспомнить, как выглядеть прилично. Чистый свитер он нашел – лежал в желтом пакете на дне комода. Волосы кое-как прочесал и завязал в хвост. Потом, подумав, обрезал ножницами бороду и впервые за много месяцев побрился.

Верхней одежды, кроме кожаной куртки в ржавых проплешинах, у него не было. Тоже куда-то исчезла, наверное пить надо все-таки поменьше.

Машина что-то прокряхтела, скрипнула и заглохла. Яр пожал плечами, закрыл ее и побрел к остановке. Машина сломалась после смерти Рады, и это было естественно. Нужно заняться ремонтом, но Яр будто ждал, что горе отступит и машина вылечится сама.

Октябрь деловито наводил в городе свои порядки. Тротуары были усыпаны гниющей листвой, а в прорехах крон виднелись клочки голубого подмороженного неба. Пахло рекой – сыростью, ржавчиной гниющих кранов и кораблей, а еще тиной. Коммунальная квартира Яра была недалеко от речвокзала. И работал он на речвокзале, потому что еще недавно понятия не имел, что возненавидит реку.

Яр шел вглубь города с нескрываемым облегчением. Чем дальше от реки, чем ближе угрюмые ряды панелек и чахлые кусты сирени, высаженные вдоль разбитых дорог, тем лучше.

Как назло, к вечеру город затянул туман. Сырая взвесь в воздухе тоже пахла проклятой рекой. Речной водой и рас-

творенной в ней кровью.

Мимо, тяжело шурша колесами, проехал троллейбус с подсвеченным золотым светом салона номером «12». Яр бросил быстрый взгляд на остановку и ускорил шаг.

Кабак, куда он направлялся, находился в центре города и гордо именовался «Рюмочная № 1». Яр бывал здесь пару раз и мог точно сказать, что она не отличается от сотни других подобных заведений – мутные стопки, поцарапанные тарелки, белый свет, каменный пол и линялые кухонные занавески на окнах. Здесь гордились тем, что, кроме обычной закуски, подают жареные пельмени, но их даже поклонники дешевой водки и настоек опасались брать. Пиво было дерьмовым, но чуть лучше водки, настойки были хуже не только водки, но и аптечного боярышника. Кабак и кабак.

Яр немного поплутал во дворах, пытаясь найти вход, и наконец увидел тускло светящуюся в тумане зеленую вывеску.

Виталик был уже там. Стоял у столика в углу и мрачно разглядывал пластиковую солонку.

Яр увидел его и выругался про себя – мальчишка был маленький, лохматый и с таким испуганным лицом, словно не понимал, как вообще сюда попал.

Бывшая одноклассница Яра, Нюрочка, была отвратительно жалостливой и работала в милиции. Он до конца не хотел к ней обращаться, чтобы не видеть, как сочувственно скривится ее красивое круглое личико, но выбора не осталось: собственное расследование окончательно зашло в тупик.

«Мне бы контакты кого-то, кто Чикатилой этим занимается, – ласково говорил он часто кивающей Нюрочке. – Хорошо бы помоложе... Нет-нет, ты что, Нюр, ну не собираюсь я никого бить, когда я кого бил». И она дала ему контакты вот этого недоразумения – служебную фотографию и адрес рюмочной, где он бывал по пятницам.

«Ты, Ярик, только осторожнее с ним, он хороший, – ворковала она. – Правда-правда, старается, ты не думай, что убийцу не ищут, – ищут! Еще как. А Виталик такой... чувствительный. Совсем пить не умеет, а вот как расследование началось – каждую неделю идет и три рюмки выпивает. Ну что ты ржешь, ему хватает, его с одной-то сразу развозит!»

Виталик в синеватом свете казался совсем заморышем. Он встретился с Яром глазами, и всего несколько секунд на его лице читалось сомнение.

– Я с вами разговаривать не буду, – неожиданно низким и спокойным голосом отрезал он.

Яр удивился. До того как мальчишка заговорил, казалось, что он вот-вот расплчется.

– Я не журналист, – осторожно сказал он. Делать вид, что он пришел сюда просто выпить, явно было бесполезно.

– Я знаю, кто вы. Мой коллега у вас заявление не принял, а я говорил, что нужно.

Яр прислушался к дремавшей в душе злобе – и не почувствовал ничего.

– А я думаю, нам будет полезно поговорить, – он пока-

зал женщине за стойкой три, а потом два пальца, не отводя взгляда от Виталика.

– Хочешь рассказать мне, что я плохо работаю? Поделиться подозрениями? А знаешь, мужик, катись-ка ты на хрен. Я работы на работе нажрался по самое вот, – он рубанул ладонью по выступающему кадыку. – Это у тебя твоя девчонка единственная и неповторимая, а у нас, кроме твоего маньяка, знаешь, сколько еще геморроя? Сраный бардак, вчера девчонку изнасиловали и прирезали, неделю назад пятеро нажрались как свиньи, проснулись – в коридоре мужик без башки валяется, а сегодня знаешь, куда меня послали? В школу! Потому что я вечно крайний, потому что журналисты меня любят и детишки меня любят, охренеть, какое счастье. В школу послали, рассказывать детишкам, почему жрать водку – это плохо, а я не могу, я уже сам с трудом понимаю, почему это плохо, и не пошло бы оно в жопу все, а, мужик?!

Яр слегка ошалел от этого потока, но, понимающе кивая, подставил мальчишке рюмку. Тот пил уже не глядя и не закусывая.

– Вот ты, – Виталик ткнул в него скрюченным пальцем. – Вот ты! Думаешь, один такой? Вас, мстителей недотраханых, не меньше десятка по городу носится, а знаешь, чем все кончается? Потом таких, как ты, – он снова ткнул в Яр пальцем, – в кустах с проломленной башкой находят, – мальчишка глупо хихикнул. – А где маньяк, а? Я тебя спрашиваю,

где маньяк? Может, это тот мужик без башки, мы его как раз опознать не можем, – хохотнул он и потянулся за четвертой рюмкой.

Яр не возражал.

– Я тоже хочу знать, – тихо сказал Яр, подвигая пятую рюмку. – Думаю, мы до весны его не увидим.

– Почему это?

– Вода холодная, – осторожно сказал Яр. – В газетах писали, что он хочет, чтобы красиво было, а осенью вода ледяная и грязная, кровь не так течет и цвет не тот.

– Херня это все. – Виталик заговорщицки поманил его пальцем и подался вперед, чуть не перевернув последнюю рюмку. – Он ночью убивает, похер ему на цвет. И вообще ни хера он не любит, понял? Потому что их много!

– Кого их? – Яр послушно удивился и пододвинул ему уцелевшую рюмку.

– Маньяков! Криминалисты говорят, что один, а я думаю, херня это все, лишь бы виноватого быстрее назначить. Венки-то разные все, а, что скажешь? У меня подружка в цветочном работает, говорит: сразу видно, что разные люди собирали. И как он... как ему удастся...

Он раздраженно пощелкал пальцами и замолчал.

Яр хотел принести еще водки, но посмотрел на мальчишку и понял, что ему точно хватит. Глаза у него были стеклянные, и стоял он так тяжело опираясь на стол, что стало понятно, что стоит ему лишиться опоры – он упадет.

– Как ему удается что?

– Приводить их на мост. Девчонки, почти все, кроме первой, скорее всего, ему доверяли. Первая вообще отличается, знаешь? Она не такая. Там другое... с ней по-другому. А? Слыхал? Я служебную информацию не разглашаю, – сурово закончил он, и сознание в его глазах окончательно погасло.

Яр вздохнул, положил на стойку купюру и подхватил Виталика под локоть. Они вышли из рюмочной. Туман по-прежнему укрывал улицы, воздух по-прежнему пах рекой, а разговор не принес почти никаких результатов. Яр, вздохнув, одним глотком допил остатки спирта, который подливал в водку.

* * *

Виталик смог объяснить, где живет, и Яр довел его до дверей. Ему было жаль мальчика: его ждало очень паршивое утро. Если позвонят с работы – еще более паршивое. Но что поделать, у Яра в последнее время таким было каждое утро.

Он дождался, пока с той стороны щелкнет замок, и тут же забыл о Виталике и его будущем похмелье.

Ничего, кроме пьяных домыслов, он не узнал. Да и версия с группой преступников ему не нравилась; Яр считал, что слаженно работающие маньяки бывают только в американских триллерах и книгах в мягких обложках, которые он иногда покупал в палатках у вокзала. В умного, эстетствующего

щего маньяка он верил с трудом – очень уж не вписывались в окружающую панельную действительность девушки в белых венках. Но верил, потому что девушки были.

А вот в то, что маньяков несколько, не верил.

«Мы просто собираемся. Разговариваем, пьем, в карты играем, песни поем», – вспомнил он слова Яны и усмехнулся. Представил, как Алиса, сидя в кресле, сосредоточенно плетет венок, а Яна угощает отравленным пирогом ничего не подозревающую блондинку.

Мысль о Яне оказалась цепкой. С тех пор как не стало Рады, как-то разом не стало и общих друзей. Яр долгие месяцы жил в прохладном, отрезвляющем одиночестве – его мать при каждой встрече начинала причитать, друзей не осталось, даже соседи отводили глаза и здоровались как-то смущенно, будто ждали, что он вот-вот забьется в припадке. В конце концов он почти перестал выходить на общую кухню, на работе ограничивался «добрым утром» и «до завтра», по пятницам «до понедельника», а матери звонил раз в неделю, в одно и то же время. Он поймал себя на том, что, набирая номер, задерживает дыхание, словно перед прыжком в воду.

Яр никогда не отличался общительностью, но чувствовал, как горе прессуется где-то в груди и затылке, делает кровь густой, а мысли – медленными. Пусть медленными, пусть густой, но ему казалось, что он стал хуже соображать. Разговор с Виталиком только подтвердил это.

Глупый все же разговор вышел, бессмысленный.

Он пытался полоскать горе алкоголем, пытался читать книги, каждый вечер перед сном; если не был пьян, выходил к реке и не меньше десяти раз обегал длинную набережную. Но этого было мало.

Так может, фриковатая девочка Яна в кружевном халате была права? Может, она действительно нужна ему.

Яр посмотрел на часы – половина одиннадцатого. Он успевал либо на трамвай, либо в магазин. А впрочем, вроде у дома Яны он видел круглосуточный ларек.

* * *

Ларек работал – светился приветливым желтым пятном, испещренным черными прутьями решетки.

– Вечер, – буркнул он, наклонившись к окошку. – Рулет вишневый. – Он вспомнил, что Яна говорила о «сборищах», и добавил: – Два. И водки... две бутылки.

– Все? – неприязненно спросила продавщица.

– «Яву». Все.

Он несколько секунд разглядывал звенящий черно-белый пакет с женским профилем, а потом невесело усмехнулся. Вот он и начал ходить по женщинам. С водкой и поролоновым рулетом.

Дом Яны – обшарпанную девятиэтажку у пустыря, который использовали вместо свалки, – он запомнил хорошо. Потом пытался вспомнить, какая из четырех оклеенных раз-

мокшим папье-маше из объявлений подъездных дверей ему нужна. Угадал третью, с вырезанным домофоном.

Стоило зайти в подъезд, как он понял, что точно не ошибся – расслышал приглушенный гитарный звон и дружный вой. Он поднялся на третий этаж, поставил пакет на пол и закурил.

Нужна ему была шумная компания? Не пойти ли домой пить водку, закусывая ее крошащимися обломками рулета?

К середине сигареты Яр твердо решил уйти. Но когда она догорела до фильтра, успел вспомнить смятую постель, холодную подушку, визги соседок за тонкой стенкой и понять, что тащиться домой и пытаться спать ему не хочется.

Звонка не было, только из стены таракаными усами торчала пара проводов. Яр постучал, но его, конечно, никто не услышал. Пожав плечами, он толкнул дверь – она действительно оказалась незапертой.

– И не осталось ни-че-го!..

Яр различил не меньше пяти голосов. Гитарный перебор оборвался хлопком по корпусу.

– О, мужик какой-то пришел!

Яна выскользнула из-за приоткрытой двери в зал и несколько секунд разглядывала его, явно пытаясь вспомнить, а Яр разглядывал ее шелковую комбинацию и черный пиджак с рукавами из синтетического меха. Наконец он провел ладонью перед лицом, изображая сбритую несколько часов назад бороду, и Яна его узнала. Улыбнулась, заставила

наклониться, потянув за ворот свитера, и быстро поцеловала в щеку.

– Заходи, я тебя познакомлю.

– Я тут к чаю принес... водки, – он протянул ей пакет и начал разуваться.

– Отлично, у нас как раз кончается! Пошли!

Яна схватила его за руку и потянула в зал.

Стол стоял посреди комнаты. В центре стояла кастрюля с остатками макарон, носатый кофейник и рядом – стопка грязных тарелок. Остальное пространство занимали кружки, пивные бутылки, криво нарезанный батон и несколько пельниц.

На серванте алел вымпел с профилем Ленина, которому кто-то пририсовал черным маркером х-крест на глазу. Вымпел провисал под тяжестью значков с логотипами рок-групп. Комната тонула в сигаретном дыму, таком густом, словно туман просочился с улицы.

Яр узнал Алису, приветливо помахавшую с другого конца стола. перевел взгляд на ее соседа, бородатого мужчину в цветном свитере, очках и дурацкой вязаной шапочке. Милостивую девчонку с русыми косичками. Последним он разглядел мрачного кудрявого паренька в углу.

– Ребята, это Яр, – представила Яна, и он был благодарен, что она ничего не стала уточнять. – Это – Володя, – представила она мужчину в свитере. Пожатие у него было хорошее, уверенное. – Это – Лена, – девочка с косичками улыбнулась

и перебрала пальцами в приветственном жесте, – с Алисой вы познакомились, а это – Лем.

У Лема ладонь была узкая и холодная. Глаза мутные и отрешенные.

Яр не стал спрашивать, что за дурацкая у него кличка.

Вдруг вскочила Лена. Схватила кофейник, выбежала в коридор и уже через несколько секунд поставила перед Яром чистую тарелку и кружку.

– Ты же голодный, а? По глазам вижу, что голодный, – почти умоляюще заговорила она. – Ты не думай, это я пару часов назад приготовила, не смотри, что кастрюля страшная, у Яны все на кухне страшное!..

Он слегка растерялся от такого напора, но тарелку взял. Точнее, попытался – Лена держала за край и не отпускала.

– Может, погреть?..

– Не стоит...

– Тогда кофе! Сейчас принесу!

– Лена у нас хозяйюшка, – с удивительной смесью почти материнской гордости и жалостливой неприязни сказала Яна.

Яр обернулся и успел заметить, с какой нежностью смотрел вслед Лене Володя.

– Если бы не она, мы бы тут в муках передохли от Яниной стряпни, – криво усмехнулся Лем. – Представьте сцену: в незапертой квартире находят десяток скорченных трупов. Менты начинают разбираться и выясняют, что у нас общее... горе. Журналисты, захлебываясь, пишут о красивом группо-

вом самоубийстве. А мы просто поели Яночкиного борща.

Яр ждал, что Яна возмутится, но она только улыбнулась и не глядя отпила кофе из ближайшей чашки.

– Я что-то не помню, чтобы о тебе где-то писали или брали интервью, – тихо сказал он Лему.

– У меня не брали интервью, – лениво ответил Лем. – Моя потеря иного толка.

Допытываться Яр не стал. Во-первых, пришла Лена и начала разливать кофе, а во-вторых, ему вовсе не хотелось конфликтов.

Вдруг он заметил, как Лена беспомощно обводит взглядом собравшихся, словно ждет, что вот-вот начнется драка. Остановилась на Яне, зажмурилась и звонко выпалила:

– А что вы, ребята, думаете о группе «Дисотека Авария»?

– Мы думаем, ты слушаешь говно! – так же звонко ответила Яна и улыбнулась Лене одними уголками губ.

– Почему же сразу говно! – подал голос Володя.

И разговор отнесло от острых краев бессмысленной болтовней. Они поспорили о музыке – больше ради самого спора, Лена рассказала совершенно идиотскую, но почему-то ужасно смешную историю про ролевиков и отравившегося грибами ведущего, Яна незаметно заменила остатки батона нарезанным рулетом.

Под конец вечера Алиса уронила бутылку, облилась пивной пеной и схватилась за гитару. Яна пыталась отобрать, но

Алиса укусила ее за руку. Яр уже ничему не удивлялся и, когда она взяла первые аккорды, только устало прикрыл глаза.

Ну что же, далекая Офелия и правда смеялась во сне. Яна подпевала едва слышно, а вот голос Володи оказался сильным, у него даже выходили ехидно-вибрирующие летовские интонации.

– «Нарядная Офелия текла через край – змеиный мед, малиновый яд!»²

Алиса вдруг замолчала. Яр попытался вспомнить слова, но ему никогда не нравилась эта песня.

– «Резиновый трамвайчик, оцинкованный май», – прошептала Яна.

– «Просроченный билетик на повторный сеанс», – задумчиво сказал Лем.

Они посмотрели друг другу в глаза и улыбнулись, одновременно, будто ожила искра какой-то старой, но все еще ужасно забавной шутки.

Алиса вздрогнула и отложила гитару, а Яр вдруг вспомнил последние строчки: «Дареные лошадки разбрелись на заре, на все четыре стороны – попробуй поймай».

Попробуй поймай. Попробуй.

А ведь это была настоящая панихида. По мертвой девушке и реке, которая ее забрала.

² Егор Летов, «Офелия».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.